

Маяк современного просвещения и образованности

Часть 4

УДК 93
ББК 63.3
М39

М39 Маяк современного просвещения и образованности: Часть 4 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 272 с.

ISBN 978-5-517-93305-8

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93305-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДВѢ КАТСОВЫ ДУМЫ.

I.

СМОКОВНИЦА И ДУША.

Хотя смоковница и не красна цвѣтами,
Но ягоды ея полезнѣе цвѣтовъ:
Не сулитъ ни кому она своихъ даровъ,
Но награждаетъ трудъ садовника плодами . . .

Душа моя! и ты уподобляйся ей:

Не разсыпайся въ общашьяхъ;
Не выставляй передъ толпой людей
Великими — свои благодѣянья!

И въ скромной участи твоей —
Ущедритъ Богъ тебя дарами,
А Божій міръ тебя, богатую плодами
Полезныхъ дѣлъ твоихъ — осыплетъ похвалами.

2.

ВЫРВАННЫЙ ЗУБЪ.

Изнывая весь отъ боли
Я, какъ мученикъ, страдалъ;
Средства всѣ перепробовалъ
Вдругъ рѣшился . . . силой воли —
Ободра разсудокъ свой,

Позвалъ лѣкаря съ щипцами.
Онъ мнѣ вырвалъ зубъ пустой:
Боль прошла, и подъ ногами —
Вѣдмый зубъ валялся мой,
Безобразной, одинокой.

„О какой урокъ жестокой!
Я сказалъ въ душѣ моей:
Этотъ зубъ былъ членомъ тела,
Костью отъ моихъ костей,
А теперь — въ немъ жизнь замлѣла:
Онъ предупреждалъ меня;
Вскорѣ можетъ быть и я
Стану также смерти жертвой,
Если къ участи одной
Цѣлое — съ частицей мертвой
Отъ Творца обречено!

Мы живемъ, а за плечами
Смерть — слѣдитъ нашъ каждый шагъ,
И — незримо — на ниряхъ
Засѣдая между нами,
Какъ голодный, страшный гость,
Гложетъ нашу плоть и кость.

Съ Голландскаго П. КОРСАКОВЪ.

ГВАНАГАНИ.

Отрывокъ изъ поэмы „Колумба“.

Гдѣ цвѣтущій Гванагани,
Красоты чудесной поанъ,
На далекомъ океанѣ
Подымается изъ волнъ;
Гдѣ ведетъ свой кругъ экваторъ;
Гдѣ въ зеленыхъ камышахъ
Шевелится аллигаторъ;
Гдѣ на дѣвственныхъ поляхъ
Разостлалися пататы;
Каплетъ съ Таро млечный сокъ;
Блѣдножелтый маниокъ
Разливаетъ ароматы;
Гдѣ играетъ вѣтерокъ
На листьяхъ салсапарели,
Какъ на жалобной свирѣли;
Гдѣ кружится надъ травой
Насткомыхъ легкій рой;
Гдѣ изъ пальмоваго ствола
Льются листья черезъ край,
Гдѣ порхаетъ въ нихъ веселый
Разноцвѣтный попугай.
Гдѣ на птичкахъ съ изумрудомъ
Спорятъ ахонтъ и топазъ;
Гдѣ надъ листовнымъ сосудомъ
Золотистый ананасъ
Изъ земнаго вывелъ лона
Многогранную корону;
Гдѣ весь годъ канва луговъ
Шита бисеромъ цвѣтовъ;
Гдѣ подъ тяжестью плодовъ
Гнется къ низу вѣтвь банана;
Гдѣ мелькаютъ въ тростникахъ
Зиги, утиа*, гуаны**, —
Тамъ въ каптавовыхъ лѣсахъ,
Тамъ въ древесныхъ шалапахъ,
Вдоль затѣненной Саванны,
Дикій варварскій народъ
Жизнь свободную ведетъ.
Тамъ дикарь съ головоломомъ
И съ копьемъ изъ тростника,
Гонитъ робкаго звѣрька,
Иль по горнымъ онъ обломамъ
Смѣло лѣзетъ за гнѣдомъ
Красной цапли, — иль потогаъ,
Дикимъ звѣремъ не пугаемъ,
За зеленымъ попугаемъ

* Звѣрка изъ рода грызуновъ.

** Родъ змѣй.

Въ лѣсъ кокосовый бѣжитъ; —
 А въ тѣни деревъ лежитъ
 На *гамикъ*, въ полдень жаркій,
 Мѣдноцвѣтная дикарка;
 Иль она съ закатомъ дня,
 У зажженнаго огня,
 Полный гибельной отравы,
 Выжимаетъ сокъ кассавы,
 Или въ легкомъ челнокѣ,
 Смуглой ручкой налегая
 На послушные пагаи *
 Мчится рывалъ, нагаль,
 По излучистой рѣкѣ.

Какъ проста и какъ спокойна
 Жизнь безпечныхъ дикарей!
 И мучительный и знойный
 Не знакомъ имъ жаръ страстей.
 Въ нихъ добра не зрѣло сѣмя,
 И порока голосъ тихъ;
 Какъ имъ жить: — то знаютъ Земе, **
 Старый Бутій *** и кацикъ.
 Ихъ законъ одинъ — свобода,
 Ихъ желанія — покой,
 Водитъ ихъ инстинктъ стѣпой,
 Учитъ ихъ — сама природа,
 Чудны эти племена.
 И природа тамъ чудна;
 Полно все очарованья,
 И недавняго созданья
 Тамъ на всемъ печать видна.

ЗЕЛИНСКІЙ.

ЦАРИЦА ВОСТОКА.

Видали ль вы зари столицу,
 Ее — волшебную страну,
 Ее — Восточную царицу,
 Магометанскую жену?
 Видали ль вы ея живые
 Уборы радугъ и огня,
 И три холма ея цвѣтные,
 Три царственныхъ главы ея?
 Браздя по голубой равнинѣ
 Высокогрудымъ челнокомъ,
 Вы удивлялись ли картинѣ,
 Гребли извилистымъ весломъ:

* Туземная вссла.

** Домашній богъ.

*** Жрецъ.

Изъ за перлового тумана
 Плыла ль на встрѣчу къ намъ она,
 Какъ фея моря-океана
 Красы пылительной полна?
 Да! для пришельца полуночи
 Все отрадно встрѣтить тамъ,
 Взглянуть въ ея живыя очи
 И впитъ дыханья энмиамъ!
 Остаткомъ древняго Эдема,
 Замкомъ двухъ вражескихъ міровъ,
 Она легла, какъ діадема,
 На пухъ Босфорскихъ береговъ.
 Кишучій жемчугъ воляъ Эвксина
 По ней узорами кипить,
 И моря синяя равнина
 Предъ ней порфирною лежитъ.
 Красотъ пылительнымъ сліяньемъ
 Богата дивная страна,
 Но въ сладкой вѣгѣ созерцанья
 Вы отгадали ль, кто она?
 Она — лишенная царица
 Вѣнца, престола и честей,
 Она несчастная вдовица
 Великихъ Греческихъ царей!
 Была пора — она взвѣвала
 Знамена орлія свои,
 И надъ главою своею свѣвала
 Креста священныя лучи.
 Теперь не то: въ судьбинѣ низкой
 Ея померкла красота; —
 Она рабыня, одалиска,
 Она отступница Христа!
 И хочетъ дни забыть златыя,
 Ей въ стыдъ минувшей славы гуль,
 Теперь она не Византія,
 А рабъ Султана — Истамбуль!

Я. ЩЕТКИНЪ.

ГЕНІЙ ИЗОБРѢТАТЕЛЬ.

Таковъ удѣлъ твой, геній неземной:
 Ты опередилъ вѣкъ свой запоздалый,
 Подобенъ ты волнѣ передовой,
 Чья бездна водъ — на берегъ одичалый
 Нагрянула — алмазною горой,
 И всплесками поморье заливая,
 Открыла путь толпамъ другихъ вѣбей;
 Но въ свой чередъ — погрязла, исчезла —
 Подъ новыми раскатами морей.

Ты изобрѣлъ — и новый Прометей,
 Похитивъ лучъ твоихъ изобрѣтений,

Затешилъ огонь новѣйшихъ умоарій,
И мыслію твоею обогащенъ,
Попразъ твой трупъ какъ сбитаго ку-
мира;
Отринулъ предъ лицомъ земныхъ племенъ,
Права твои на удивленіе міра.

Здѣсь пожилъ ты недолго; не успѣлъ
Развить вполнѣ могучихъ всѣхъ созданій,
Хоть лучъ ихъ на лица твоемъ горѣлъ;
Хотя въ тебѣ пыдалъ вулканъ желаній,
Добра, любви и славы и познаній!

Таковъ удѣлъ твой, гений неземной,
Въ странѣ суетъ, въ юдоли сей плачев-
ной!

Но и волна залитая волной
Не сгибла; нѣтъ: въ чредѣ своей всенев-
ной, —

Она подымется и на хребтѣ морей
Заблещетъ вновь алмазными струями,
Какъ нѣкогда и ты, подернутый вѣками
Сверкнешь потомству славою своею!

П. КОРСАКОВЪ.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Часто гляжу я на милаго сына младенца:
Плачетъ онъ, плачу и я, и въ святомъ
умиленіи
Думаю: труденъ твой путь, не трать сво-
ихъ слезъ понапрасну
Жизни ты не видалъ и ужъ плачешь —
о бѣдные люди!

Воселъ младенецъ, и я улыбаюсь; но
думаю снова:
Смѣйся мой ангелъ, смѣйся пока ты ре-
беночъ;
Въ святъ улыбку, какъ жемчугъ съ тру-
домъ достаютъ,
Слезы жъ тебѣ пригодятся, не плачь, ихъ
потребуютъ люди . . .

Грустенъ, задумчивъ младенецъ, и я
погружаюсь въ сознанье,
Думаю: онъ вспоминаетъ о родинѣ, гор-
нихъ селеньяхъ,
Жизни грядущей не зная; то-то бѣ за-
плакалъ младенецъ,

Еслибъ картина грядущаго, въ дѣтствѣ
предстала ему.

ДЖУНКОВСКІЙ.

НАПОЛЕОНЪ.

Луна горитъ на небѣ голубомъ,
И серебрить валы морскіе,
Они кипятъ, и стелется крутомъ
На скалы вѣковыя.

Средь этихъ скалъ, на островѣ пу-
стомъ,

У каменной гробницы,
Стоитъ увѣчный воинъ съ костылемъ,
Съ слезою на ресницѣ.

Онъ говоритъ: „прошли тѣ времена
„Когда *капралъ*, съ тобою,
„Я былъ въ странахъ, гдѣ наши знамена
„Ты освящалъ собою.

„Прошли тѣ дни, какъ складывать
крестомъ

„Ты руки предъ собою;
„Иль на конѣ, въ раздуміи нѣмомъ,
„Скакалъ передъ толпою.

„Прошли тѣ дни, какъ ты вождемъ
примѣръ,
„Здѣсь тратилъ жизнь и силу,
„И я старикъ, увѣчный гренадеръ,
„Твой гробъ спустилъ въ могилу.

„И съ этихъ поръ, чуть мѣсяцъ въ
небеса,
„И я къ твоей гробницѣ . . . “
Тутъ онъ умолкъ, и теплая слеза,
Скатилась съ ресницы.

ДЖУНКОВСКІЙ.

ЦВѢТОКЪ.

„Не лети, прекрасная,
Отъ меня ты въ даль:
Безъ тебя въ душѣ моей
Черная печаль!“
Такъ небесной бабочкѣ
Полевой цвѣтокъ

Жалобу шепталъ свою,
Грустенъ, одинокъ.
„Ахъ! судьбой жестокою
Вкованъ въ землю я;
О! зачѣмъ, небесная,
Крылья у тебя?
Золотомъ и пурпуромъ
Сходенъ я съ тобой
И люблю, люблю тебя,
Другъ воздушный мой!
Люди не знакомы намъ,
Мы безъ нихъ цвѣтемъ;
Два цвѣтка прекрасные,
Мы съ тобой вдвоемъ.
Но эфиръ зоветъ тебя
Въ небеса порхать,
Мнѣ тебя ужъ можетъ быть
Болѣ не видать.
О! зачѣмъ высоко такъ
Небеса стоятъ! —
Не могу послать къ тебѣ
Сладкій ароматъ.
Возвратись! увидишь ты, —
Съ каждою зарей
Ткань моя душистая
Скроплена слезой.
Тщетное моленіе!
По коврамъ долинъ
Весело порхаешь ты, —
Я грущу одинъ.
О, царица дней моихъ!
Ты сроднишься съ землей,
Или къ небу ты меня
Унеси съ собой!

ЩЕТКИНЪ.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ глубокую полночь, свой гробъ остав-
ляя,
Встаетъ барабанщикъ и въ поле идетъ,
И громко тревогу и сборъ выбивая,
Онъ по полю ходитъ и взадъ и впередъ.

Но страшны и тихи тревоги раскаты,
И глухо частится ночной барабанъ;
И, падшіе въ сѣчахъ, герои-солдаты
Взадрогнули, проснулись по мирнымъ гро-
бамъ.

Костлявыми остовами безъ тѣла руками
И бьютъ и гремятъ въ барабанъ гробовой;

И вторится эхо лѣсами, горами,
И слышится эхо въ гробахъ подъ землей.

Встаютъ изъ снѣговъ вѣковыхъ и глу-
бокихъ,
На сѣверъ падшіе въ Русскій походъ;
Встаютъ и на югъ, у Альповъ высокихъ,
Гдѣ солнце ихъ кости и сунуть и жечь.
И тѣ что истлали въ Спрійскихъ пусты-
няхъ,
И тѣ что въ Египтѣ подъ игомъ лежатъ,
Встаютъ вдругъ повсюду, въ рѣкахъ, на
вершинахъ,
И взявши оружье на поле спѣшать

И въ полночь могилу трубачъ оставляя,
Встаетъ и коня онъ на поле ведетъ; —
Вотъ онъ на коня, — и изъ рога звонкой
игралъ,
Онъ по полю скачетъ и взадъ и впередъ.

Вотъ мчатся тудаже на коняхъ воздуш-
ныхъ
Свѣдѣ рубакъ протекшихъ время;
Кирасы звенятъ на скелетахъ бездуш-
ныхъ,
И вьется на копьяхъ рой славныхъ зна-
менъ.

И вотъ изъ подъ касокъ, смаясь, скре-
жещутъ
Безглазые лица страшныхъ ночей;
Все мрачно, и даже луна не трепещетъ
На лезвяхъ тусклыхъ ихъ ржавыхъ ме-
чей.

И въ полночь глухую свой гробъ покидая,
Встаетъ Полководецъ и въ поле идетъ,
И войску на громкій „ура“ отвѣчая,
Онъ по полю ходитъ и взадъ и впередъ.
Сертукъ на немъ сѣрый, распахнуть и
вѣсть,

И маленькой шляпою черепъ покрытъ,
Короткая шпага при мѣсяцѣ рѣбѣтъ;
Скрестившись руки, угрюмъ его видъ.

Вдругъ мѣсяцъ изъ тучъ золотыми лу-
чами,
Полки мертвецовъ удалыхъ осѣлѣтъ; —
И Воинъ-Начальникъ безъ взоровъ очами,
Возставшія тѣни полковъ, озираетъ.

Полуночный смотръ, начался, — рядовые
Идутъ ординарцы и рапортъ даютъ,
А тамъ къ полководцу кони ретивые
Какъ птицы, гусаровъ, улановъ несутъ.

Вотъ къ ближнему Маршалу онъ обра-
тился,
Поодаль отвелъ его, за руки взявъ,
И тихо къ нему головою склонился,
И на ухо тайное слово сказалъ:

То слово по войску пошло, раздалось,
И слышно то въ ближнихъ, то въ даль-
нихъ рядахъ,
„Парижъ“ тамъ паролемъ оно пронеслося,
„Салта Елена“ здѣсь лозунгъ въ устахъ!

Г — ВЪ.

Г Р О З А.

Протекъ день шумнаго веселья,
Пропадный день изъ бытія;
Отъ суетливаго бездѣлья,
Уставъ заснула крѣпко я.
Со страхомъ вдругъ открылись очи!
Ужасной день средь мрака ночи!
Слѣпнуть глаза, небесъ пожаръ!
Взжигъ змѣей на землю пламень
И грянулъ роковой ударъ!
Въ щепы бревно, валится камень
И гибель жителямъ земли,
Съ собою бури принесли!
Текутъ стезею истребленья,
Несутъ и смерть и разрушенье!
Громовъ мнѣ страшень бурный гласъ;
Въ немъ смерти грозное призванье
И въ сердцѣ ужась ожиданья.
Да удалить послѣдній часъ,
Въ слезахъ я Господа молила!
Страшна мнѣ ранняя могила,
За нею страшень свѣтлый міръ.
Могила — близкая дорога,
Къ вратамъ небесъ, къ чертогамъ Бога;
Но какъ предстать на Божій пиръ;
Тамъ обличать меня одежды:
Забывъ священныя надежды,
Жила я жизнью земной,
И въ мірѣ мигъ ея летучій,
Считала вѣчностью самой.
Напрасно дамъ глаголь могучій,
Онъ славить Господа отвыкъ.
Напрасно въ красоты творенья,
Высокой душой умъ проникъ.
Вотще святыней пѣснопѣнья,
Богъ душу избравъ до рожденья:
Презрѣвъ удѣлъ высокій свой,
Она въ бездѣйствіи дрема а

И свѣта мѣлкой суетой,
Восторгъ небесный подавляла.
Безъ пользы жизнь моя текла,
И тьму я свѣту предпочла!
Но гласомъ Божьего укора,
Въщаль громовъ ужасный гласъ;
Внимала въ немъ; быть можетъ скоро
Пробьетъ земной послѣдній часъ.
Не въ мірѣ вѣчное жилище.
Отъ сна воспринула душой!
Она вдругъ стала выпше, чище,
Узрѣла свой удѣлъ святой!
Свое исполнить назначенье.
Благослови же, Провидѣнье,
Идти мнѣ свѣтлою стезей.
Благослови на подвигъ новой;
Да полюблю я всѣхъ людей,
Любовью пламенной Христовой,
А не порывами страстей.
Благослови, о Провидѣнье,
На путь священный пѣснопѣнья;
Да никогда мой пылкій стихъ
Не будетъ лъстецъ страстей земныхъ,
Людей пустымъ увеселеньемъ;
Святому вѣренъ назначенью
Къ тебѣ приблизить души ихъ!

П. БАКУНИНА.

ПИСЬМО ВЪ ОДЕССУ.

Стань красавецъ ближе къ строю,
Сбрось съ себя злодѣйку — лѣнь,
Звякни шпорою стальною,
Киверъ наискось надѣнь.
Закрути усы *колычками*, *)
Острой саблѣ улыбнись:
И съ гусарскими рядами
Быстрымъ маршемъ пронесись.
Сядь на *кони*! (*) къ бранной сѣчи
Эскадроны поведи;
Вражій строй переруби.
Ну! геройски въ стремя ногу;
Саблю въ руку, храбрость въ грудь.
Ты полковникъ слава Богу
Тѣбѣ (*) къ славѣ близокъ путь.
Иль забылъ ты бой кровавой,
Гдѣ такъ шумно пировалъ?
Гдѣ надъ падшею Варшавой,
Знамя бунта разорвалъ.
Иль не помнишь поле чести?
Поле битвы огневой,
Гдѣ съ отвагой колонъ мести,
Ты скакалъ какъ вихрь степной.

Знать забыть, что лавръ военный,
 На оливу промѣнлять;
 Что съ бивакъ подъ кровь смиренный,
 Въ лѣнъ красавицамъ попалъ
 И теперь какъ врагъ Беллоны,
 Ты не Марсомъ спарженъ;
 И не въ царскіе знамена
 Такъ страдальчески влюбленъ.
 Нѣтъ, проникнутый страстями,
 Встрѣтивъ въ сердцѣ пустоту,
 Ѣдешь ты на балъ съ друзьями,
 Повздыхать на красоту.
 И въ побѣдахъ торжествуя,
 Нѣжить добрыя мечты,
 И подъ звукомъ поцѣлуя,
 Рвать не лавры — а цвѣты.

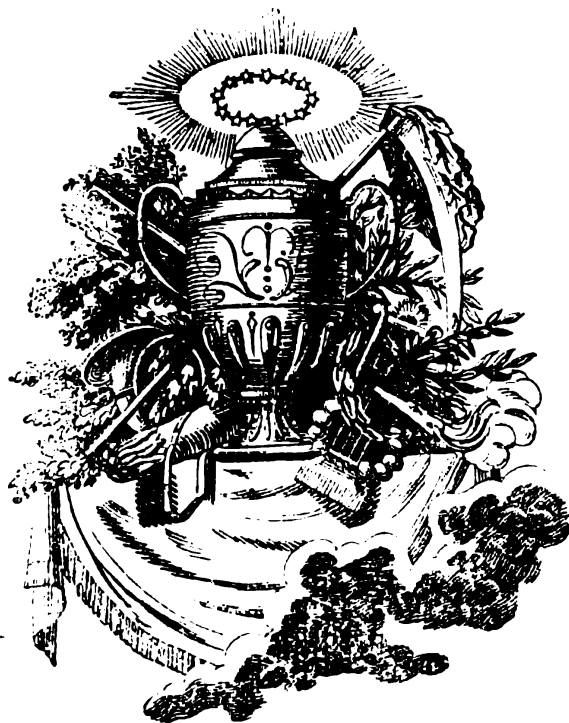
Такъ пируй же другъ столицы,
 Пусть твой мечъ въ пыли лежитъ!
 Исторической страницы,

Знать ему не заслужить.
 Не твой въ бою трофеи,
 Твой триумфъ не на поляхъ,
 Такъ рви розы и лилии,
 Въ заповѣданныхъ садахъ.

Б. ВИДИНІУСЪ.

(*) Слѣдовало бы по просодіи сказать *адъ-*
цами а не *кольцами*, *коня*, а не *кня*, *тебѣ*
 а не *тебѣ* какъ, выходить здѣсь по сканд-
 ации. Тоже должны мы замѣтить въ стихотворе-
 ніяхъ *Гвангаци*, и *Почной смотрѣ*, гдѣ оши-
 бочныя ударенія напечатаны парочно курси-
 вомъ. Не смѣя поправить стиховъ безъ воли
 автора, мы почитаемъ однакоже долгомъ своимъ
 обличить эту вольность потому именно, что
 стихотворенія хороши; и для того именно,
 чтобы примѣръ не увлекъ подражателей —
 менѣе даровитыхъ,

П Р О З А.

ОПРАВДАНИЕ ХОЛОСТЯКА.

«Женись! что не женишься? пора жениться! . . .» Такъ со всѣхъ сторонъ привѣтствуютъ меня знакомые и друзья. Этого мало. Часто въ кругу добрыхъ, пріязненныхъ мнѣ семействъ, въ разливъ словоохотства, дѣлаютъ на меня столь сильныя нападенія, что я, истощивъ все краснорѣчіе, подвергаю мое одиночество сильному искушенію, и вся отчетность въ пользу его, и вся домашняя моя философія часто разлѣтается, какъ тонкая пыль. Несмотря на это, я все таки остаюсь, и крѣпко и прочно, убѣжденнымъ въ моей правотѣ, и все остаюсь — холостякомъ.

Но отъ такого постоянного убѣжденія, укрѣпилась во мнѣ стра-

стная охота защищать себя торжественно: хочу во всеуслышаніе исповѣдать мою вину въ томъ, что я, именно, противъ собственной воли, въ 40 лѣтъ состою въ спискѣ юношей. Если я не правъ, то пускай буду осужденъ основательно. Пускай буду разъ и навсегда — правъ или виноватъ! Но дѣло это очевидной важности: земля полна холостяками и четырехдесятилѣтними юношами, и потому позвольте повести мой оправдательный процессъ по формѣ! — Во-первыхъ, я положительно отстраняю отъ участія въ моемъ «слѣдственномъ» дѣлѣ всѣхъ холостяковъ — отъ 30 до 80 лѣтъ, потому что они могутъ взять

мою сторону пристрастно — по свойству въ юношествѣ. Удаляю отъ дѣла моего всю молодежь включительно до 30 лѣтъ: по неизвѣстности своего брачнаго жребія, большая часть изъ нихъ могутъ имѣть поползновенія, вопреки совѣсти и чистоты сердечной, въ мою пользу. Не смѣю приглашать на судъ всѣхъ мужей, сочетававшихся бракомъ въ молодости лѣтъ, потому что эти счастливицы не всегда могутъ представить ясныя поручительства за собственное свое благоденствіе. Совершенно не нахожу нужнымъ приглашать на судъ вашихъ мужей, по ретивости сердца вступившихъ въ законный бракъ въ пятомъ десятилѣтіи, потому что особы сіи, давнымъ давно, цѣлымъ свѣтомъ «оставлены въ сильномъ подозрѣніи» относительно супружеской ихъ нѣжности и законности правъ на *оную*. Наконецъ, менѣе всего смѣю при этомъ случаѣ утруждать прелестнѣйшихъ, юныхъ дѣвицъ какого бы онѣ рода и вида ни были: ибо полный итогъ милыхъ фантазій ихъ, стиснутый въ тѣсный кругъ романистики, будетъ совершенно убійственъ правому моему дѣлу, коего сущность очевидна. — Но да не вмѣнится мнѣ эта изворотливость въ поддѣческую продѣлку. Нѣтъ, достопоученнѣйшіе участники въ моемъ осужденіи! Я для собственного спокойствія ищу всей строгости изслѣдованій; не хочу щадить себя: избираю моими судіями, дѣвицъ, равныхъ со мною лѣтъ; — дѣвицъ, кои втайнѣ оплакиваютъ утрату цвѣтущей молодости; которыя по волѣ или неволѣ, состоя въ спискѣ устарѣлыхъ дѣвъ, явно и тайно являютъ всѣхъ холостяковъ, державенно пренебрегшихъ брачными узами, и тѣмъ нанесшихъ не

возвратное оскорбленіе ихъ достоинствамъ и красотѣ. Я, какъ участная жертва этого оскорбленія, съ повинною представляюсь на судъ, съ предложеніемъ правъ на пощаду, и вотъ изложеніе моей исповѣди!

Я произошелъ отъ недостаточныхъ родителей. Мое воспитаніе сопряжено было съ величайшею трудностію и неправильностію. Я кончилъ курсъ ученія тогда, какъ сверстники моихъ лѣтъ франтили уже эполетами, или пробирались въ вельможескія канцеляріи, поощряемые первыми успѣхами затѣйливыхъ своихъ фантазій. Непрерывная цѣпь бѣдствій, столь общихъ всѣмъ безпомощнымъ юношамъ, была и моимъ удѣломъ. Я поневолѣ долженъ былъ слѣдовать оптимизму, и находилъ свое «лучшее» въ равновременномъ опытѣ. Не знаю, многіе ли имѣютъ охоту вѣрить тому, что несчастія наши — лучшіе учителя. Что до меня, я этому охотно вѣрилъ: мой собственный опытъ служилъ въ тождѣ порукой. Я много терпѣлъ, много страдалъ, много переносилъ тяжкаго, и, чѣмъ болѣе умножались мои бѣдствія, тѣмъ правильнѣе созрѣвали чувствованія унылой моей души; чѣмъ горче было мнѣ, тѣмъ стоворчивѣе было сердце мое къ умѣренности: мнѣ не трудно было разглядѣть пустоту юношескихъ фантазій и усмирить быстрый ихъ полетъ въ непроницаемую даль. Предѣлы моихъ замысловъ были слишкомъ осязательны. Окружавшія меня бѣды, подавляли излишество эгоизма, и я рано привыкъ себя, мечтая о счастіи жизни, украшать эту мечту не слишкомъ роскошно, но за то болѣе украшалъ ее возможностью скромною, милою, прелестною, которая свѣтилась въ будущемъ, какъ лучъ небеснаго свѣта, проникшій въ

мрачную бездну въ глубокомъ ущелии горъ: я мечталъ о счастіи жизни семейной, и эта увлекательная мечта выросла въ мою душу, я дышалъ только ею! Но кто отдастъ себя въ жертву даже самыхъ невинныхъ фантазій, тому рѣдко удастся не сдѣлаться игрушкой ихъ. Я ревностно преслѣдовалъ мою мечту, и не умѣлъ къ ней достигнуть. Не принимая своей женитьбы запросто, какъ въ прежнее время думали объ ней, за механическое составленіе одного — изъ двухъ, и, не желая подражать въ этомъ какому-нибудь романическому герою, я менѣе всего позволялъ себѣ слѣдовать духу нашего времени: который, подъ тогою платоническаго блаженства прячетъ самый ариѳметическій расчетъ всѣхъ супружескихъ «приложений.» Напротивъ, слѣдуя аргументамъ современной Германской философіи «послѣдняго изданія» — я ставилъ себя не субъектомъ, а самымъ страдательнымъ объектомъ всѣхъ супружескихъ повинностей: и не доведи себя до состоянія абсолютнаго, т. е. независимаго объекта, не смѣлъ и думать о какихъ либо брачныхъ покушеніяхъ. Здѣсь въ короткихъ словахъ я высказалъ всю свою исповѣдь; но на мою бѣду, у насъ со свѣта *гонятъ немецкую философію*, (*) и я рискую остаться не только неоправданнымъ, но даже не выслушаннымъ, вотъ почему считаю за необходимое перевести все то на Русскій языкъ, хотя этотъ переводъ займетъ нѣсколько страницъ — вините свое незнаніе объективной философіи. И такъ, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ напередъ заслужить чинъ, пристроить себя въ выгодному мѣстечку, со-

ставить, какъ водится, капиталецъ, и такимъ образомъ упрочить себя въ правахъ жениха, который по совѣсти, чуждаясь приданаго, ищетъ только милой жены. Мечталъ хорошо, а дѣло шло худо! Чѣмъ больше мчался я въ даль на крыльяхъ невинной моей фантазіи, тѣмъ замѣтнѣе дѣло о супружествѣ оставалось на одномъ мѣстѣ. Годы летѣли, и трудился день и ночь, какъ ревностный исполнитель присяги, какъ рыцарь чести и совѣсти; я плавалъ, по обширнымъ, и само собой разумѣется, по бурнымъ водамъ на самомъ утломъ челнокѣ. *Пары* мои безпрестанно заливало; и снова ихъ разводилъ и снова ихъ заливало; каждый шагъ въпередъ я покупалъ *греблю* — тяжкихъ трудовъ и убійственною потерей времени. Я съ горестію видѣлъ, что мнѣ не суждено возвыситься до чиновности, всегда граничащей съ выгодными мѣстечками, ведущими къ капитальцу честному, благонадежному; неумолимый опытъ, опора всѣхъ эмпирическихъ, т. е. здравыхъ философій, безъ пощады ежедневно убѣждалъ меня, что знатность моя не можетъ блеснуть лишнимъ десяткомъ рублей, что обезпеченіе моей будущности не смѣетъ и подумать о запасной сотнягѣ; а отъ сотняги до супружескаго счастья еще много станцій! Утомленный, обезкураженный, измученный усиленнымъ и многотруднымъ моимъ бодрствованіемъ, я далеко отсталъ отъ всѣхъ моихъ товарищей по службѣ. Фортуна была очень немилостива ко мнѣ и постоянно доказывала, что она съ нѣкотораго времени сдѣлалась слишкомъ горда для скромныхъ и безызвѣстныхъ ея почитателей. Я частенько повѣрялъ мое вѣзучество и всегда находилъ,

(*) Не философію, а ея *личину*. — *Ред.*

что въ карманъ мой едва пробирались рубли, строго обсчитанные чистою совѣстью, и тщательно освидѣтельствованные упорною честностью, влитую въ душу мою благороднѣйшими моими родителями. Столица была для меня столь же далека, какъ прежде обѣтованная земля для мятежнаго Израильянина; я вертѣлся по излучистымъ путямъ провинціального служенія и задыхался отъ испареній недоарѣвшихъ моихъ фантазій. Но удѣлъ смертнаго — желать и искать лучшаго до-нельзя. Собравши всю мою философію и подкрѣпивши себя убѣжденіями въ новомъ видѣ, я хранилъ милую мою мечту и лелѣялъ ее въ огорченной моей душѣ. Не всѣ же знатные люди могутъ похвалиться семейнымъ благоденствіемъ; не одни же особы высшаго разряда могутъ блаженствовать въ домашнемъ быту. Я также могу, и на тѣсномъ пути моей жизни, быть счастливымъ, могу въ качествѣ маленькой чиновности быть полезнымъ обществу и самому себѣ. Впрочемъ я все еще смѣю надѣяться; я могу еще трудиться и, слава Богу! не безъ дарованій — авось либо чрезъ какой-нибудь неожиданный оборотъ судьбы, вдругъ поправлюсь и сблизюсь съ возможностью достигнуть желаемой цѣли.

Такимъ образомъ, распрощавшись съ широкою и большою дорогою чиновности, я рѣшился поубавить своей сѣси, и ограничилъ свой искъ милой подруги — желаніемъ миленькаго домика со свѣтлыми окнами и съ небольшою сажкомъ; обезпечилъ себя трудовымъ кускомъ насущнаго, изъ всѣхъ прихотей допустилъ только одну: желаніе имѣть лошадку и дрожки, хоть на столбикахъ, для сбереженія здоровья нѣжной моей

подруги. Сердце забилося у меня отъ новой идеи — я со слезами обнялъ будущаго моего друга — ангела; привѣтливо нѣжилъ и осыпалъ ласками и угожденіями молодую свою супругу; игралъ въ мячъ съ кругленькими, хорошенкѣйшими дѣтками своими; сдружилъ семью свою съ нѣсколькими добрыми и искренними семействами и съ душевнымъ восторгомъ выпивалъ рюмку атаманскаго въ день ангела жены моей, утирая губы сладостнымъ ея поцѣлуемъ. Такъ думалъ я — такъ мечталъ въ минуту пламенныхъ желаній, улаживавшихъ одиноческое бытіе мое! Скажите же, почтеннѣйшіе судіи мои: дерзко ли я мечталъ, большаго ли я желалъ? скажите, есть ли тутъ, хоть тѣнь обдуманнаго намѣренія на то одиночество, въ коемъ теперь обрѣтаюсь, и за которое терплю столько оскорбительныхъ упрековъ, и которое столь оскорбительно и противно правамъ вашимъ, даннымъ самою природою. Но извольте же слушать чѣмъ все это кончилось! —

Настроенный, обогащенный новыми планами и увлекаемый новою смѣтою на мое благо, я бодро принялся дѣлать всему практическое приложеніе. Отсчитавъ еще нѣсколько горькихъ лѣтъ моей жизни, я нашелъ себя однимъ чиномъ выше, а рублемъ еще ниже. Я видѣлъ себя постояннымъ обладателемъ сѣрой шинели, которая и лѣтомъ и зимою прикрывала зачѣйливныя мои мечты и свидѣтельствовала, какъ термометръ, на какомъ градусѣ стоялъ блескъ моей жизни, и на какую степень знатности поставила меня судьба. Новая тоска овладѣла мною. Потеря прошедшаго и безнадежность будущаго ожесточила мое сердце, и тяжкіе вздохи томили грудь